

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ «МАСКУЛИННОСТЬ / ФЕМИНИННОСТЬ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Захарова У.С.¹

¹ГОУ ВПО «Томский государственный университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36), e-mail: ulyana.zakharova@gmail.com

В исследовании анализируется языковая репрезентация гендерных смыслов, сформулированных Г. Хофстеде, которые иллюстрируют оппозицию «маскулинность / фемининность» национальных культур. Лексическим материалом исследования выступают фразеологические фонды русского и английского языков. Один из смыслов, «максимальные / минимальные эмоциональные и социальные ролевые различия между полами», анализируется более детально, включая количественный (число репрезентантов) и качественный (особенности их семантики) аспекты. Результаты показывают, что русские фразеологические единицы, репрезентирующие маскулинный смысл, превосходят английские в числе, но являются более метафорическими. Установленные особенности в общем коррелируют с результатами, полученными Г. Хофстеде в ходе социологического исследования, согласно которым уровень маскулинности, проявляемый носителями английской культуры, выше, чем проявляемый носителями русской культуры.

Ключевые слова: языковая репрезентация, маскулинность / фемининность, культурные измерения, гендер, фразеология, русский язык, английский язык.

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE “MASCULINITY / FEMININITY” CULTURAL DIMENSION GENDER VALUES IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY

Zakharova U.S.¹

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin avenue, 36), e-mail: ulyana.zakharova@gmail.com

This study analyzes lexical representation of G. Hofstede's gender values illustrating the opposition of masculine and feminine national cultures. The lexical material of the research is English and Russian phrasecons. One of the values “maximum / minimum emotional and social role differentiation between the genders” is analyzed in more detail including quantitative (the number of representatives) and qualitative aspects (their semantics). The results show that Russian phraseological units representing the masculine value dominate in number but they are more metaphorical than English phraseological units. The findings correlate with the sociological study results obtained by G. Hofstede that masculinity level of the English culture representatives is higher than that of the Russian culture representatives.

Keywords: language representation, masculinity / femininity, cultural dimensions, gender, phraseology, Russian, English.

В 1980 г. голландский социальный психолог Г. Хофстеде представил на суд научного мира теорию культурных измерений, состоящую в распределении национальных культур по группам. Группы формировались исходя из ключевых для носителей данных культур ценностей, выявленных методом статистического анализа результатов социологического анкетирования [5]. Одним из предлагаемых им измерений является «маскулинность / фемининность», основанное на распределении эмоциональных ролей между полами [6]. Так, вычисленный психологом индекс свидетельствует в пользу маскулинности английской национальной культуры (Великобритания – 66 из 100) и фемининности русской (Россия – 36 из 100) [4].

Цель исследования

Наш исследовательский интерес состоит в выявлении корреляции между этими выводами, сделанными на социологическом материале, и выводами, которые мы планируем получить на языковом материале в результате лингвокультурологического исследования. Суть нашего исследования состоит в выявлении языковой репрезентации маскулинных и фемининных смыслов культурного измерения, предложенного Г. Хофстеде. Единицы анализа – фразеологизмы русского и английского языков. Теоретическая основа исследования – теория ключевых слов А. Вежбицкой, согласно которой самые частотные лексические единицы являются показательными для культуры людей – носителей этого языка [1].

Материал и методы исследования

Разработанная нами методика анализа материала состоит из следующих этапов: 1) группировка смыслов, иллюстрирующих, согласно Г. Хофстеде, оппозицию «маскулинность / фемининность» [5], в три группы на основе противопоставления социальной сферы их актуализации: эмоциональные, социальные и гендерные. Данная публикация посвящена последней группе; 2) отбор из фразеологических словарей языковых единиц, которые репрезентируют эти социальные смыслы. Источником материала послужили: «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова [3] и «Longman idioms dictionary» [7], максимально близкие по своему объему (4000 и 6000 фразеологических единиц (далее ФЕ) соответственно); 3) анализ количества языковых единиц-репрезентантов и их качественных соотношений (значения, эмоционально-стилистические пометы, актуализация дополнительных идей и т.п.), на основе чего мы делаем вывод о том, какие смыслы, маскулинные или фемининные, репрезентированы во фразеологическом фонде наиболее явно (качественный аспект) и наибольшим количеством языковых единиц (количественный аспект); 4) на основе проведенного анализа мы делаем вывод о степени корреляции языковых репрезентаций смыслов с результатами социологического исследования Хофстеде.

Итак, приступим к анализу фразеологических фондов русского и английского языков. Сформулируем рабочие гипотезы: 1) большее количество фразеологизмов-репрезентантов смыслов гендерной группы в словаре одного языка, по сравнению с их количеством в словаре другого языка, свидетельствует в пользу более высокого уровня маскулинности первой лингвокультуры, 2) исходя из того, что чем более открыто о чем-то говорится, тем это привычнее и более приемлемо, полагаем, что самый высокий уровень маскулинности - в репрезентантах первого порядка, самый низкий – третьего порядка, средний – второго порядка. Следовательно, среди английских фразеологизмов должно быть больше репрезентантов первого порядка, а среди русских – третьего; 3) результаты

лингвокультурологического анализа будут признаны коррелирующими с результатами социологического исследования Г. Хофстеде, если фразеологический материал проявит склонность носителей английской культуры к маскулинности, а носителей русской – к фемининности.

Для проведения сплошной выборки из заявленных ранее фразеологических словарей были сформулированы следующие требования: фразеологическая единица относится к репрезентантам анализируемых смыслов, если:

- 1) среди её элементов имеются слова, обозначающие лиц одного или обоих полов (репрезентанты первого порядка), например: *базарная баба*, *ladies who lunch especially*, *ваш брат*, *the boys in blue*;
- 2) в ее дефиниции имеются слова, обозначающие лиц одного или обоих полов, или в элементах ФЕ есть намек на лицо определенного пола (репрезентанты второго порядка), например: *под каблуком* (1 – в полной зависимости, беспрекословном подчинении (быть, находиться и т.п.). Обычно о зависимости мужа от жены), *be tied to sb's apron strings* (1 – о ком-то, кто слишком сильно зависит от своих родителей, особенно своей матери, в плане поддержки, денег или житейских советов);
- 3) среди её элементов имеются слова, обозначающие человека метафорически через образ животного (самка – женщина, самец – мужчина) (репрезентанты третьего порядка), например: *мокрая курица*, *козел отпущения*.

I. Количественный аспект.

В ходе выборки было установлено общее количество репрезентантов гендерных смыслов – 36 английских и 33 русских ФЕ (0,6% и 0,8% от объемов словарей соответственно). Из 21 сформулированного Г. Хофстеде смысла в языковых единицах реализуются лишь 6: (при этом два из них очень близки, поэтому во избежание дублирования репрезентантов при анализе будут нами объединены):

- различные ролевые модели: отцы занимаются фактами, а матери чувствами / схожие ролевые модели: отцы и матери имеют дело и с фактами и с чувствами: 2 англ. и 1 рус. ФЕ;
- девочки плачут, мальчики нет; мальчики должны давать сдачи, девочкам не следует драться / девочкам и мальчикам позволено плакать, но никому не следует драться; женщинам следует быть мягкими и женственными, никому не следует быть слабым / мужчинам позволено быть мягкими, женоподобными, слабыми: 4 англ. и 8 рус. ФЕ;
- непорочность и прилежность необходимы невестам, женихам – нет / одинаковые критерии предъявляются невестам и женихам: 2 англ. и 4 рус. ФЕ;
- учителя уделяют больше внимания мальчикам / учителя уделяют равную долю внимания девочкам и мальчикам: 1 англ. ФЕ;

- максимальные / минимальные эмоциональные и социальные ролевые различия между полами: 26 англ. и 21 рус. ФЕ.

Последний смысл имеет наибольшее количество языковых фразеологических репрезентантов, предположительно в силу своей широкой формулировки. Именно лингвокультурологический анализ этого смысла и является предметом данной статьи.

II. Качественный аспект.

Далее приводятся фразеологические репрезентанты смысла «максимальные / минимальные эмоциональные и социальные ролевые различия между полами» с дефинициями и анализ их корреляции с характеристиками маскулинных и фемининных культур, предложенными Г. Хофстеде.

Отобранный материал показал, что все 47 выявленных ФЕ являются репрезентантами маскулинного смысла, что, с одной стороны, созвучно с тезисом об андроцентризме языка [2], а с другой – с проблемой выявления немаркируемого члена оппозиции.

Далее мы разделили их на группы по принципу близости транслируемых идей. Эти идеи не отражены в социологической теории культурных измерений, но, по нашему мнению, коррелируют с ней.

Отражение идеи ***зависимость мужчины от женщины недопустима*** в английском фразеологическом фонде встречается чаще, чем в русском. Английские ФЕ *sb wears the pants (in the family)* и *sb wears the trousers (in the family/ house)* – репрезентанты второго порядка (*pants* и *trousers* – предметы мужского гардероба), и выражают недопустимость главенства женщины в семье (несоответствие своей социальной роли). *A ladies' man, a roving eye* и русская ФЕ *мышинный жеребчик* подчеркивают неуместность зависимости мужчины от женской компании. *Отставной козы барабанищик*, репрезентант третьего порядка (*коза* – женского пола, *барабанищик* – мужского), выражает зависимость мужчины от положения существа женского пола, хотя в дефиниции никакого указания на половую принадлежность человека, в отношении которого может быть использована эта языковая единица, нет.

Негативное явление универсального характера выражается через женский образ – идея, характеризующаяся языковой гендерной дискриминацией. Бродяжничество (*a bag lady*), эгоцентричность (*La*), злость (*hell hath no fury (like a woman scorned)*), и праздность (*ladies who lunch especially*) – общечеловеческие явления и чувства, которым, как показывают репрезентанты первого порядка, приписывается женское лицо.

Особенностью ФЕ *mutton dressed as lamb* является то, что она относится к репрезентантам и второго, и третьего порядка. Этот фразеологизм используется по отношению к женщинам, и слова *mutton* и *lamb* обозначают животных женского пола. В

реальности же можно допустить существование и мужчин, которые одеваются не по возрасту – такое поведение не является исключительно женским.

Репрезентанты третьего порядка *ни пава ни ворона, Лиса Патрикеевна, заблудшая овца (овечка), змея подколотная, ворона в павлиньих перьях, белая ворона, продувная бестия (шельма), бесструнная балалайка* выражают такие характеристики человека, как неопределенность, хитрость, потерянности, коварность, напыщенность и болтливость, опять же посредством привлечения образа женщины.

Нейтральное / положительное универсальное явление выражается через мужской образ. Все ФЕ *ваш брат, наш брат, свой брат, ни сват ни брат, the backroom boys, the boys in blue, the/a bad guy, fall guy, the/a good guy, separate / sort out the men from the boys, господин (хозяин) своего слова (своему слову)* могут быть использованы как в отношении мужчины, так и женщины. Исключение – *be one of the boys*, хотя его использование относительно женщины возможно, если она дружит с группой мужчин и любит заниматься теми же делами, что и они. При этом анализ ФЕ проявил следующие особенности семантики существительных, обозначающих лиц мужского пола: а) *брат* – близкий человек, б) *брат* и *a boy* – представитель некой группы людей, к которой относится говорящий, в) *a guy, a man, a boy* – любой человек. К тому же отметим, что *a guy* в единственном числе обозначает *парень*, а во множественном числе – *ребята, люди* о лицах обоих полов, *a man* обозначает как мужчину, так и человека, когда пол не уточняется.

Репрезентанты третьего порядка *травленный (старый) волк* и *хоть волком вой* актуализируют не отсутствие силы, а невозможность её применения при имеющемся потенциале (волк – сильное животное, сила – мужская характеристика), что вызывает у людей сочувствие.

Отрицательное универсальное явление выражается через мужской образ. Несмотря на то, что ФЕ *no more Mr. Nice Guy!, sb is all mouth and (no) trousers, волк в овечьей шкуре* выражают порицаемое поведение (несправедливость, невыполнение своих обещаний, лицемерие) через мужской образ, они не будут отнесены к репрезентантам фемининного смысла, так как и они актуализируют маскулинный смысл «максимальные эмоциональные и социальные ролевые различия между полами».

Незамужняя женщина – это неполноценная женщина выражается такими ФЕ – репрезентантами первого и второго порядка, как: *в девках, старая дева; be (left) on the shelf*. Последняя ФЕ имеет даже оскорбительный характер – ее дословный перевод «остаться на полке», то есть явное сравнение женщины с товаром в магазине.

Женщина – объект действий мужчины, выражается ФЕ, которые изображают женщину, как ту, которую можно купить или которая вынуждена принимать образ жизни мужчины, не считающимся с её желаниями: *a sugar daddy* и *a football/golf widow*.

Ограниченные возможности женщин выражены лишь одной английской ФЕ – репрезентантом второго порядка *glass ceiling*.

Отличие женщин от мужчин в пользу последних выражено двумя английскими ФЕ–репрезентантами второго порядка: *on the rag* и *the fair sex*.

Жена – это обуза для мужчины выражена такими ФЕ, как *go stag* и *trouble and strife*.

Результаты исследования

Итак, мы провели анализ репрезентации одного из гендерных смыслов культурного измерения «маскулинность / фемининность» во фразеологических фондах двух языков. В ходе выборки было выявлено 26 английских и 21 русская ФЕ – репрезентантов маскулинного смысла «максимальные эмоциональные и социальные ролевые различия между полами». С учетом объема словарей это составляет 0,43% и 0,52% от общего количества английских и русских фразеологизмов соответственно. То есть во фразеологическом фонде русской лингвокультуры более представлены смыслы, характерные для маскулинной культуры. Однако распределение по группам, отражающим порядок репрезентации, вносит коррективы в этот промежуточный вывод. Во второй гипотезе мы предложили считать, что уровень маскулинности от репрезентантов первого порядка к третьим снижается, а значит, первых должно быть больше в английском фразеологическом фонде, а последних – в русском. Привлеченные нами фразеологизмы-репрезентанты распределились следующим образом: первого порядка: 15 английских ФЕ (57,7% от общего числа английских ФЕ – репрезентантов), 7 русских ФЕ (33,3%); второго порядка: 11 английских ФЕ (42,3%), 3 русских ФЕ (14,3%); третьего порядка: 0 английских (0%) и 11 русских ФЕ (52,4%).

Таким образом, анализ привлеченного материала показал доминирование фразеологизмов-репрезентантов первого и второго порядка (открытые, явные актуализации) в английской лингвокультуре, третьего порядка (скрытая образная, метафорическая актуализация) – в русской лингвокультуре. Следовательно, при относительном (0,52% против 0,43%) перевесе количества репрезентантов в русской фразеологии половина из них приходится на метафорическую актуализацию (52,4%), тогда как приблизительно такое же количество (57,7%) английских репрезентантов приходится на открытую актуализацию, чуть меньше половины – на репрезентацию второго порядка (42,3%), а метафорическая актуализация не выявлена.

Заключение

На этом основании мы делаем вывод, что анализ фразеологизмов-репрезентантов смысла «максимальные / минимальные эмоциональные и социальные ролевые различия между полами» свидетельствует о корреляции характера фразеологической репрезентации анализируемых смыслов с выводами о более низком уровне маскулинности русской лингвокультуры по сравнению с английской. Это в целом коррелирует с выводами Г. Хофстеде по итогам социологического исследования, но если в его результате была установлена значительная разница в индексе маскулинности русской и английской культур (36 против 66 соответственно [4]), то в результате данного лингвокультурологического исследования выявлена незначительная разница, причем в большей степени на качественном, а не на количественном уровне.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 35.
2. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой ; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М. : Информация XXI век, 2002. - 256 с. - URL: <http://www.owl.ru/gender/017.htm> (дата обращения: 18.08.2014).
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
4. Hofstede G. & Hofstede G. J.'s official website. Dimension Data Matrix. - URL: http://www.geerthofstede.com/media/654/6_dimensions_for_website_20101123.txt (дата обращения: 18.08.2014).
5. Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations. Thousand Oaks CA : Sage Publications. – 2001. – P. 11, 298 – 299, 306, 312.
6. Hofstede G. Masculinity and Femininity: The taboo dimension of national cultures. SAGE Publications Inc. – 1998. – P. 3.
7. Longman Idioms Dictionary. – Addison Wesley Longman Limited, 1998. – 398 p.

Рецензенты:

Резанова З.И., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск.

Эмер Ю.А., д.фил.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, начальник управления информационной политики, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск.